

Стельмах В.Д.

Замечания по проекту Закона Российской Федерации "О библиотечном деле"

Проект Закона "О библиотечном деле" представляет собой определенный и немаловажный этап в выработке новой библиотечной идеологии и новых организационных принципов библиотечного дела в России. Независимо от дальнейшей судьбы этого проекта было бы неверно недооценивать значение проделанной работы: во-первых, впервые предпринята попытка выяснить мнения и ожидания широкой библиотечной общественности и при дальнейшей подготовке документа опереться на этот сложный и противоречивый материал; во-вторых, опять же впервые, поставлена цель не закрепить старые идеологические постулаты, считавшиеся доселе неприкосновенными (вспомним Положение о библиотечном деле в СССР — классический образец нормативного библиотечного мышления советского периода), а предложить обновленную модель библиотечного дела как социального института. Такого рода опыты всегда ценны сами по себе; в периоды крупных исторических сдвигов они становятся одним из показателей процессов, происходящих в общественном сознании, в нашем случае — в профессиональном библиотечном сознании.

Ряд положений проекта являются, бесспорно, инновационными. Например, защита конституционного права граждан на приобщение к ценностям мировой культуры и свободного доступа к информации, легитимация альтернативных по отношению к государственным библиотечных структур и различных организационно-правовых библиотечных форм, деидеологизация библиотек и подтверждение их нейтральности по отношению к различным политическим партиям и движениям, введение разнообразных (юридических, финансовых, социальных) мер защиты библиотек и др.

Все эти принципиальные положения документа, давно выработанные и освоенные мировым библиотечным сообществом, являются для нас первым шагом на пути к демократической библиотеке.

Но, несмотря на все эти достоинства проекта Закона, его нельзя считать готовым для официального представления, более того — он неприемлем по многим принципиальным позициям.

Не касаясь постатейных замечаний и возражений, остановлюсь на нескольких весьма существенных особенностях документа, которые дают основание для такого заключения.

1. Закон, действие которого должно распространяться на все библиотеки, независимо от их "организационно-правовой формы, ведомственной принадлежности и форм собственности" (ст. "Сфера действия Закона") по сути является законом о государственном библиотечном секторе. Большая часть его статей и положений может быть применима лишь к этой части библиотечной системы (например, обязательность для библиотек штатных работников, научно-информационной и культурно-просветительской деятельности; установление норматива финансирования библиотек независимо от форм собственности; необходимость периодической аттестации библиотечных работников и др.). Центральные разделы документа — "Библиотечные фонды", "Система библиотечного обслуживания", "Разделение компетенций в управлении библиотеками" ориентированы на уже сложившуюся сеть и закрепляют монопольное положение государственной библиотеки в обслуживании населения.

Такой подход противоречит идее библиотечного многообразия, являющейся, по моему мнению, вектором и будущей и настоящей библиотечной стратегии.

Закон, предусматривающий организацию библиотечного дела по образу и подобию государственной (отчасти ведомственной) сети, учитывающий в основном их нужды и требования, является препятст-

вием для свободного развития альтернативных библиотечных служб — в первую очередь библиотек, адресованных не всем и каждому, а конкретным социальным и культурным группам (этническим, религиозным, политическим, объединенным общностью интересов и т. д.). Принятие такого Закона затормозит и без того замедленный в нашей стране процесс формирования дифференцированных культурных систем, в нашем случае — дифференцированной библиотечной отрасли.

2. По своему характеру проект является неорганичным соединением самых разнообразных жанров профессионального творчества. Это и собственно законодательный документ, и статья, и собрание документов внутриведомственного назначения (правил пользования библиотекой, технологических инструкций, положений различного рода и т. д.). Эта жанровая рассогласованность возникла из-за стремления предусмотреть все возможные сложности и конфликты, с которыми могут столкнуться библиотеки, охватить и регламентировать как можно больше форм и сторон их деятельности. В результате проект Закона впитал внутреннюю установку разработчиков и напоминает библиотечный страховой полис. В его текст включено и то, что должно быть записано в уставе библиотеки (ст. "Учредителя библиотек"), и то, что должно быть отражено в Заявлении об учреждении библиотеки (ст. "Порядок регистрации библиотек"). Здесь установлено, кто должен входить в ликвидационную комиссию (ст. "Ликвидация библиотек"), каковы размеры возмещения читателем стоимости потерянной книги (ст. "Ответственность за причинение вреда библиотечным фондам"), отношения руководителя с трудовым коллективом (ст. "Компетенция руководителя и трудового коллектива библиотеки") и многое подобное.

Избыточная детализированность, касающаяся как прав и свобод, так и обязанностей и ограничений, не просто неоправданно увеличивает объем документа, лишая его строгости и четкости. Такой уровень регламентации вреден, ибо, во-первых, оказываются приглушенными стратегические положения, составляющие суть нового закона, во-вторых, такого рода закон капсулирует библиотечное дело, делая его социально ригидным, нечувствительным к происходящим в обществе изменениям. Закон закрепит предлагаемую подробную модель и лишит тем самым библиотечное дело маневренности и гибкости. Можно с уверенностью предсказать, что подобная жесткая конструкция программирует отставание Закона от быстро развивающихся социальных процессов, что в свою очередь приведет к еще более

глубоким, чем сейчас, противоречиям между требованиями общества и библиотечным потенциалом.

3. Еще одно немаловажное обстоятельство — "библиотечноцентричный" характер документа. Он составлен с точки зрения нужд и требований библиотек, а не с точки зрения запросов и потребностей общества. Поэтому неудивительно, что только три статьи из 50 ("Права и обязанности пользователей библиотек", "Права пользователей" и "Права особых групп пользователей") посвящены пользователям библиотек и одна — обязанностям библиотек.

Права граждан сводятся к праву на библиотечное обслуживание — достаточно расплывчатая и нечеткая формулировка (ст. "Право граждан на библиотечное обслуживание"). Ни слова не говорится об основных конституционных правах человека — праве на свободный доступ к информации и получение документов (или их копий) из любых библиотек, расположенных на территории Российской Федерации, а также о праве на создание библиотек и осуществление библиотечной деятельности как в нашей стране, так и за рубежом. Эти идеи присутствуют в документе, но соотносены с другими собственными библиотечными статьями и разделами, "вписаны" в контекст библиотечной деятельности и не являются композиционным центром проекта.

Проблема социальных функций библиотек обозначена нечетко. Между тем взгляд на библиотеку извне, с позиций общественной необходимости должен был бы определять смысл и суть документа. Конечно, можно сказать, что общество, мало озабоченное судьбой библиотек, и государство, не обеспечивающее должный уровень их функционирования, не вправе требовать от них многого. Однако при этой логике рассуждений образуется замкнутый круг, который должен быть когда-нибудь разорван. Один из путей к этому — изменение профессиональной установки при подготовке любых законодательных документов. Этой установкой должна быть не столько социальная защита библиотек, сколько их социальная ответственность.

В заключение хотелось бы обратить внимание на рассогласованность ряда принципиальных положений проекта, не останавливаясь на мелочах. Так, в ст. "Юридический статус библиотеки" говорится о владении библиотек землей, зданиями и сооружениями (что предполагает, по-видимому, выкуп их у государства?), а в ст. "Права библиотек" — о праве безвозмездного пользования земельными участками и производственными сооружениями. Другой пример: ст.

"Государственная политика в области библиотечного дела" лишает государственные органы права вмешательства в содержание профессиональной деятельности библиотек, а ст. "Компетенция органов государственной власти и управления субъектов федерации" и другие утверждают необходимость разработки и принятия различных государственных программ развития библиотечного дела.

Итак, подготовленный проект Закона "О библиотечном деле" не может быть, по моему мнению, вынесен на рассмотрение Правительства и Парламента. Можно было бы ограничиться рекомендацией о существенной его доработке, однако есть смысл еще раз задуматься о том, какого рода организационно-правовой документ наиболее целесообразен в сегодняшней ситуации. Мы все являемся свидетелями отставания законотворческой деятельности от очень высокого темпа социальных изменений. Законы, не успевая быть принятыми, уже становятся тормозом дальнейшего движения общества. Нет оснований полагать, что библиотечный закон будет исключением. Скорее границы, очерчивающие библиотечное пространство, очень скоро станут преградой для его расширения. Тем более, что сам характер документа создает наилучшие возможности именно для такого варианта развития.

Возможны два альтернативных решения: а) переработка подготовленного проекта с учетом всего вышесказанного; б) отказ от самой идеи создания Закона в настоящий момент и подготовка документа заведомо временного характера — современный вариант Положения о библиотечном деле, определяющего лишь наиболее существенные идеологические и организационно-правовые основания библиотечного дела. Второй путь представляется мне более оправданным.

Р. С. Изложенные замечания были высказаны на совещании ведущих библиотечных работников Москвы и вызвали весьма бурную реакцию. К сожалению, текст проекта Закона "О библиотечном деле" не представлен библиотечной общественности страны. Дискуссия развернулась лишь в "коридорах власти". Однако нетрудно предположить, что подавляющее большинство российских библиотекарей разделяет мнение о настоятельной необходимости "собственного" закона. Среди множества приведенных аргументов один представляется мне не просто существенным, но принципиально сильным и, бесспорно, убедительным: это реальная опасность поставить библиотечное дело в уникальное положение — положение единственной

отрасли, не имеющей документа, подтверждающего ее общественный статус — Закона. Отсутствие такового в общем лавинообразном потоке принимаемых Парламентом законов (последним на конец февраля 1993 г. стал Закон о спорте) явится в глазах общества свидетельством социальной незначимости библиотечной сферы, а для профессиональной среды — еще одним "всенародным" унижением, сильным ударом по профессиональному сознанию.

Итак, проект Закона "О библиотечном деле" будет вынесен на рассмотрение Парламента. Но необходимо понимать, что это не конец, а лишь начало работы над следующим и следующим его вариантами в соответствии с направлением и скоростью социокультурных процессов в стране. И так будет продолжаться до тех пор, пока из социального хаоса и правового невежества не выкристаллизуется подлинно гражданское общество, неотъемлемой частью которого явится цивилизованный институт книжного дела.